

Андрей ПУЧКОВ

**НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ БРУНОВ,
АРХИТЕКТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПАРАТИВИСТ**

Очерк из истории архитектуроведения

Ежели следовать принятой классификации архитектуроведов по «специальностям» внутри собственно теории и истории архитектуры как отрасли искусствоведения, научное творчество Николая Ивановича Брунова (13.11.1898, Москва — 25.11.1971, Москва) можно отнести по разряду памятниковедения, историко-архитектурного по преимуществу. В отличие от просто хронологической фиксации, свойственной многим другим исследователям, стоявшим у истоков новой дисциплины, Брунову принадлежит ряд забавных разработок теоретического характера, выполненных на материале всей истории архитектуры: от преддеспотической до XIX века.

Его даже называют предтечей «архитектурной иконологии»¹, но это едва ли точно. Пожалуй, понятие иконологии, высмотренное в «таблице интерпретаций» Эрвина Панофского², вполне может быть задействовано в анализе явлений архитектуры в том смысле, что в процессе иконологической интерпретации предметом может оказаться внутреннее значение или содержание явления, составляющее особый конгломерат (мир) символических ценностей; средством интерпретации — синтетическая интуиция, обусловленная общей эрудицией, психологией и мировоззрением интерпретатора; контролирующим принципом интерпретации — история культурных симптомов или символов, выраженных в интерпретируемом объекте и в нем наблюдаемом. Конечно, все эти предприятия возможны лишь с художественной стороны архитектурной формы, а под-

¹ *Седунова Т. В.* Н. И. Брунов как предтеча «иконалогии архитектуры» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — М., 2008. — Вып. 58. — С. 283–286.

² *Соколов М. Н.* Границы иконологии и проблема единства искусствоведческого метода (К спорам вокруг теории Э. Панофского) // Современное искусствознание Запада о классическом искусстве XIII–XVII вв.: Очерки. — М., 1977. — С. 234.

Николай Иванович БРУНОВ
(1898–1971)

ход Брунова все-таки более комплексный: он интуитивно превзошел «иконологию архитектуры», а не оказался ее предтечей. Впрочем, Брунов пытается бороться с материальным качеством интерпретируемых объектов (литературно-художественных и философских вершин в этом деле достиг, конечно, А. Г. Габричевский, идеи которого можно вычитать в текстах Брунова), стремится к разгадке «архитектурных посланий» прошлого, и безусловно приподымается над средним уровнем тогдашнего описательного архитектуроведения. В конечном счете, иконология хороша тем, что с ее помощью можно обосновать наличие целого ряда тонких идейно-содержательных закономерностей в произведениях зодчества, до этого считавшихся образцами натурализма/примитивизма или сахарной декорации (вроде барокко и рококо). Однако та же иконология парадоксальным образом не только поколебала, но до известной степени укрепила «антисимволическое» заблуждение, поскольку вынесла ряд жанров (в частности, пейзаж) и даже целые художественные эпохи за рамки своих интересов¹. Впрочем, в «художественной архитектуре» (А. П. Мардер) всегда сохраняются символы, требующие умозрительного (а не только визуального) прочтения, и в этом смысле можно говорить даже о жанровых делах, соль которых

¹ Соколов М. Н. Границы иконологии и проблема единства искусствоведческого метода... — С. 234.

Брунов почерпнул у своего учителя А. И. Некрасова в его книге «Очерки по истории древнерусского зодчества XI–XVII века» (М., 1936). Почти то же самое, но более остроумно и утонченно через несколько десятилетий проделает Г. К. Вагнер в книге «Искусство мыслить в камне: Опыт функциональной типологии памятников древнерусской архитектуры» (М., 1990).

«Брунов быстро учился, быстро готовился к экзаменам, быстро осваивал новые области науки. Деловитость в решении всех вопросов составляла отличительную его черту. Замечателен был порядок во всем его быту. Почерком, в котором все буквы стояли без наклона, он писал свои письма и отвечал на чужие также без промедления»¹.

Одному из первых в России Брунову принадлежит составление курса истории мировой архитектуры («Очерки по истории архитектуры» в 3 т., 1935–1937; третий том, посвященный периоду от романского стиля до современности, в свет не вышел, его рукопись не сохранилась), который считается наиболее удачным по умственной композиции среди сочинений такого рода. Труд Брунова является тем более интересным, что в нем сделана убедительная попытка избежать привычной циклической схемы (изобретенной А. Дж. Тойнби для истории вообще) изображения архитектурного процесса (какой грешил, скажем, известный схемщик Ф. И. Шмит), столь характерной для немецкой школы архитектуроведения (Г. Вёльфлин, П. Франкль, Э. Кон-Винер итд.). Идеи циклической эволюции искусства и архитектуры, подхваченные у нас Шмитом и В. М. Фриче, по мнению Брунова, упрощают понимание стиля, хотя и делают стиль педагогически наглядным. Кажется, только проницательный Алоиз Ригль в то время предлагал рассматривать зодчество как нечто единое, развивающееся от первобытной эпохи до наших дней, но такое рассмотрение производилось в стороне от истории культуры в целом.

Компилятивно взяв лучшее из компилятивных трудов по истории архитектуры («Истории архитектуры» Ог. Шуази была построена преимущественно с точки зрения развития конструкций и их применения; «История архитектуры, составленная по сравнительному методу» профессора Б. Флетчера и Б. Ф. Флетчера, интересная по фактажу, тоже не давала связного понятия о развитии стиля; сочинения К. О. Гартмана и проч.), Брунов основал собственное изложение на богатом фактическом материале и понятии о социально-экономическом развитии общества, сиречь в лучших традициях тогдашнего материали-

¹ Аллатов М. В. Воспоминания: Творческая судьба. Семейная хроника. Годы учения. Го́да и страны. Люди искусства. — М., 1994. — С. 103–104. Обладанием этим редким изданием я обязан профессору Московского архитектурного института Наталии Олеговне Душкиной, приславшей мне книгу Аллатова в июле 1995 г.

листического понимания истории. Конечно, вопросам культуры в такой концепции было неуютно, но Брунов очень старался.

Невзирая на честно компилятивный характер подачи материала, «Очерки» Брунова это остроумное, умное и очень поучительное чтение. Пожалуй, лучше Брунова тогда в возлюбленном отечестве об истории мировой архитектуры так мало кто писал. Не в последнюю очередь «Очерки» замечательны в литературном отношении. Возьму навскидку несколько мест из второго тома: «Свод Пантеона единым взмахом охватывает огромную людскую массу» (с. 348); «Зритель чувствует себя частью всей людской массы, воспринимаемой им как единая коллективная индивидуальность» (с. 352); «Римские театры и амфитеатры являются первыми в истории архитектуры светскими монументальными зданиями, так как классический периптер был храмом, а эллинистические театры мыслились их архитекторами функционалистски. Эллинистический функционализм до конца освободил архитектурный замысел от религии» (с. 275); «Архитектурные формы <Софии Константинопольской> продолжали своими линиями композицию богослужения, и зрелище, даваемое архитектурной композицией, дополняло и продолжало собой богослужбное действие» (с. 441); «Купол Софии, как и плоский потолок египетского храма, изображает небесный свод. И в этом сказывается еще и другая характерная для Византии черта, сближающая ее архитектуру с восточно-деспотической: внутреннее пространство уподобляется пространству природы, которое на деспотическом Востоке абсолютно господствует» (с. 442); «Существенное отличие количественного стиля Софии от количественного стиля восточно-деспотических архитектур заключается в том, что на деспотическом Востоке даются колоссальные сверхчеловеческие массы, а в Софии — гигантское сверхчеловеческое внутреннее пространство» (с. 447); в Софии Киевской «наблюдается, по сравнению с архитектурой Константинополя, типичное для восточной школы византийской архитектуры усиление телесности в ущерб динамичности и дематериализации внутреннего пространства» (с. 521); «От внутреннего пространства римского зодчества начинается новая большая линия архитектурного развития, которая ведет через византийскую и романо-готическую архитектуру к ренессансу. Однако внутреннее пространственное ядро в римской архитектуре еще носит характер неоформленности. Архитекторы Рима еще не справляются с открытым или внутренним пространством. Путь до ренессанса еще очень далек. Внутреннее пространство в римской архитектуре еще не вполне отделяется от пространства природы, композиция наружных масс продолжает играть большую самостоятельную роль. Прежде чем оно превратилось в очеловеченное внутреннее пространство ренессанса, открытое римлянами внутреннее пространственное ядро было феодализировано в византийской и готической

архитектурах, наполнивших его религиозно-мистическим содержанием» (с. 208). Чувствуете, Брунов пишет — будто исторические гвозди в профессиональную память вколачивает: не вытащить. Нет такой компиляции, в которую даже помимо воли автора не просочилась бы собственная точка зрения компилятора: у Брунова в «Очерках» такие вкрапления выглядят очень ярко. Например: архитектурную идею Софии Константинопольской «можно было бы формулировать так: купол Пантеона, водруженный на базилику Максенция» (с. 432). Г. Н. Логвин в беседах о Софиях Киевской и Константинопольской часто повторял это бруновскую апофегму, провертывая ее всякий раз на новый лад и нахваливая.

Однако если здорово написанные пропедевтические труды Брунова посвящены всему корпусу мировой истории архитектуры (даже Болгарии и Беларуси), специфика его научных исследований преимущественно зиждется на византийских исследованиях архитектурных форм, приоритет в области которых был признан за Бруновым в мировом масштабе — пожалуй, потому, что он печатал их в правильных, заметных изданиях: «Byzantinische Zeitschrift», «Jahrbuch der Osterreichischen Byzantinistik», «Jahrbuch fuhr Kunstwissenschaft». М. В. Алпатов, друг и соавтор Брунова, подчеркивает: «Среди заграничных связей Н. И. Брунова выделялось имя [Ганса] Зедльмайра. К этому времени он стал выпускать специальные журналы “Критише Берихте” и “Кунствиссеншафтliche Нахрихтен”. Если раньше мы только плелись в хвосте науки, то теперь явилась возможность выступать в качестве реформаторов. Н. И. Брунов опубликовал в одном из этих журналов блестящую статью о Софии Константинопольской»¹.

Далее Алпатов отмечает, что Брунов «представлял собой тип ученого, которого еще не было у нас. В старину пишущие об архитектуре ставили своей задачей рассмотрение планов, сводов, покрытия и арок, то есть чисто формальных особенностей архитектуры. Брунов в своих статьях связывал архитектуру с идеологическими формами в развитии общества.

Мы с Н. И. Бруновым вели нескончаемые разговоры и часто спорили о методе искусствоведческого анализа. Н. И. Брунов всегда стоял за то, чтобы исследование архитектуры было единым и цельным. Споры не решали трудных вопросов, но проясняли точки зрения и приносили нам пользу»².

Так вот, в цикле статей 1924–1934 гг. Брунов сумел поставить вопросы,

¹ Алпатов М. В. Воспоминания... — С. 104. Здесь у Алпатова неточность: Брунов опубликовал статью «Die Sophienkathedrale von Konstantinopel» в журнале «Kunstwissenschaftliche Forschungen» (1931).

² Там же.

Михаил Владимирович Алпатов и Николай Иванович Брунов
в Константинополе, 1924 г.

во многом расширившие и углубившие прежние представления об истории византийского зодчества. Зоркость аналитического взгляда позволила ему внести существенные поправки и уточнения в вопросы о формах и конструкциях памятников константинопольской школы, многие из которых им были по-новому реконструированы. Исследовав памятники византийской архитектуры, Брунов предложил ряд искусствоведческих понятий, пригодных для анализа раннесредневекового зодчества; например — лонгитудинальный и латитудинальный архитектурный типы храмов¹ итд. Эволюция интерьера византийского храма, исследованная им, позволила расширить определение художественных принципов построения внутреннего пространства (скажем, типология цистерн).

Смелость архитектуроведческого поиска в отдельном регионе сочеталась

¹ От латинских слов: *longitudo* — длина и *latitudo* — ширина. См.: Брунов Н. И. Очерки по истории архитектуры: В 3 т. — М.; Л., 1935. — Т. 2. — С. 408, 460.

у Брунова со стремлением связать стилистические признаки, проявляющиеся на разных территориях, с особенностями исторических эпох, и желанием сделать это максимально контекстно. В этом Брунова можно назвать первым в России *архитектурологическим компаративистом*. Такой подход позволил Брунову выяснить природу генезиса древнерусского зодчества X–XIII вв. Будучи проницательным, он предложил убедительные реконструкции утраченных элементов Киевской Софии еще до того, как было произведено ее пристальное археологическое обследование (пожалуй, ныне, с появлением новых исследований, эти результаты подлежат переосмыслению). Изыскания ученого по истории русской архитектуры XII–XVII вв. также занимают значительное место в его письменном наследии (особенно оригинальным представляется его исследование Спасского собора в Полоцке), своеобразное истолкование московского зодчества XIV–XVII вв. — новая страница в истории древнерусской архитектуры, где своеобразие русской архитектуры конституируется в общих ландшафтах мировой художественной культуры¹.

Тонкий психологизм порой проникает монографические исследования Брунова. Но не только монографии, — письма тоже. Алпатов приводит одну эпистола Брунова из Рима: «Именно в Риме я почувствовал себя северянином. Мне недостает тишины. Здесь все слишком шумно. Мне часто приходится видеть этот указующий жест персонажей первого плана в барочных картинах. Он стремится вырваться к вам и завладеть вашим вниманием, распорядиться вами. Ведь уносящиеся вверх виллы и бурлящие каскады воплощают тот же указующий жест. И какие-то особенно резкие гудки автомобилей, особенно стремительный их бег — это все тот же докучливый жест.

Я очень сильно это почувствовал, когда случайно забрел в Санта Мария sopra Минерва — единственную готическую церковь Рима. Нет, решительно мне готика больше по душе, чем весь блеск старого и нового Рима. И не хочу я ни арок, ни Колизеев. Я хочу совсем другого»².

В книге об архитектурных формах Парфенона и Эрехтейона (издана в 1973 г.) он вводит понятие «архитектурной картины», то, о чем не говорили архитектурные писатели 1920–1930-х — даже Александр Георгиевич Габричевский. Все содержание архитектурной формы передается зрителю посредством архитектурной картины и соотношения этих картин друг с дружкой. Ничего не может быть дано в архитектуре помимо зрительного образа, то есть вне архитектурной картины, — считает Брунов. С точки зрения эстетики эта сентен-

¹ *Комеч А. И.* Памяти Николая Ивановича Брунова // *Византийский временник*. — 1973. — Т. 34. — С. 308.

² *Алпатов М. В.* Воспоминания... — С. 104.

ция может быть не столько опровергнута, сколько поправлена. Вместо слова «архитектура» (которая «живет» на небе, поскольку есть понятие и термин) нужно подставить словосочетание «архитектурная форма» (которая прочно стоит на земле), и все в этом утверждении с удобством расположится на достойных местах: ведь вправду никаким иным образом, кроме как зрительным, «архитектурная картина» архитектурной формы дана зрителю быть не может.

Брунов утверждает, что архитектурные картины, имеющие непосредственное касательство к созданию художественного впечатления и уводящие от уразумения подлинной природы архитектурной формы, могут быть средством или самоцелью архитектора. Вместе с тем Брунов, как и многие, путает архитектурный образ (явление сознания) и архитектурную форму (объективную реальность), и отсюда у него несуразности: основное содержание архитектурного образа, мол, может быть направлено на передачу зрителю при помощи картины построений незрительного, невербального порядка, сводящихся, например, к взаимоотношению опор и лежащей на них тяжести, или к композиции массы, отличающейся трехмерностью и полностью воспринимаемой только при обходе массива произведения. В этом наблюдении все неточно, и читатель, надеюсь, чувствует это. Однако не стоит спешить с обвинениями автора в недоумии, софистике, словесном эквилибризме. Брунов свидетельствует, что было бы ошибкой полагать, будто архитектурная картина может представлять собой утрату зодчеством его специфических особенностей и подчинения архитектурных форм принципам живописи. Бруновская «картина» сводится в конечном счете к созданию такого построения в области зодчества, которое не вырывало бы человека из развертывающейся во времени повседневной жизни, а придавало бы самой жизни общества и отдельного человека свойства художественной формы. Вот уже где впрямь идеализм. Брунов отмечает, что не менее важна для архитектурной многокартинности иллюзорность создаваемых картин — такая степень иллюзорности, которой в силу ограниченных возможностей не может достичь живопись. И вправду: архитектурная картина исчезает, только сложившись, она существует лишь в глазу у зрителя, создавая эдакие «бассейны видимости», а архитектурная многокартинность может быть зафиксирована, с очень грубым приближением, только при помощи киноаппарата. Если в Парфеноне — пишет Брунов — преобладает некартинный характер, Эрехтейон основывается в своей композиции на принципе многокартинности¹. Почему?

Примерно о том же читаем в письме Брунова Алпатову об Аппиевой доро-

¹ *Брунов Н. И.* Памятники Афинского акрополя: Парфенон и Эрехтейон. — М., 1973. — С. 100–103.

ге: настоящая архитектурная картина. «Я прошел по ней пешком десять верст и почувствовал себя юношей, который у Петрония <в “Сатириконе”> странствует, скитаясь от одной виллы к другой. Один момент иллюзия была действительно полная, тем более что сейчас по этой дороге никто не ездит. Но ведь это не Рим, это чистый эллинизм. Это не управляющий Рим, а Рим управляемый. Это даже не античный человек, а античная природа. Это все то зверье, которое выставлено в Ватикане, или лесные существа на Капитолии, с ухмыляющимися пьяными рожицами.

Мне здесь страшно надоели развалины. Путного я в них ничего не нашел. Все же кое-какие работы удалось провести и на днях заканчиваю их. Но это сущая мука. На заре ползать и мерить, да еще добиваться разрешения на это. Не дождусь дня, когда уеду во Флоренцию, где вовсе нет этих проклятых развалин»¹.

Развалины есть праздник кислорода
и времени. Новейший Архимед
прибавить мог бы к старому закону,
что тело, помещенное в пространство,
пространством вытесняется.

Иосиф Бродский. Открытка из города К., 1967

Едва ли Брунов мог это принимать столь же отчетливо, как Бродский: его, архитектора, выпустили из СССР на раскопки в Италию, и стоило бы тихо радоваться, а не письменно рисоваться. Вместе с тем, в живой ход рассуждений встречаем и в позднейшей монографии о московском храме Василия Блаженного, и в раннем исследовании пропорций средневековой и античной архитектуры, значительно дополняющем классические поиски Э. Мёсселя, М. Гика, Дж. Хэмбиджа и Г. Д. Гримма. Благодаря Брунову мы, например, можем увидеть рисунки и чертежики академика архитектуры И. В. Жолтовского и наглядно уразуметь его «функцию золотого сечения». Не опубликую эти рисунки Брунов в книге «Пропорции античной и средневековой архитектуры» (1935), ученые почеркушки Жолтовского так и канули бы в Лету.

Женившись довольно поздно, Брунов переменял сложившийся образ жизни.

«Мы, — вспоминает Алпатов, — стали смотреть на Брунова с сочувствием к его неожиданно завоеванному личному счастью. Впрочем, нас озадачивали некоторые странности его поведения.

Удивляло то, что Брунов как бы отбросил свой талант, перестал быть тем человеком науки, которого мы знали.

¹ *Алпатов М. В.* Воспоминания... — С. 104–105.

Позднее вместе с женой он побывал в ГДР.

Студентам Архитектурного института в Веймаре он читал лекции на немецком языке, которым владел в совершенстве. Он узнал многих специалистов на Западе, и это как будто пробудило в нем прежнее чувство любознательности и критической ответственности. На своей машине он изъездил всю страну. Но в течение двадцати лет ничего, или почти ничего, не выходило в свет. Правда, он посещал библиотеку, усердно занимался архитектурой, готовясь к курсу в Архитектурном институте, и следил за всеми новинками.

Мои отношения с Н. И. Бруновым почти прекратились. Я не могу считать себя виноватым. Но на одно наше приглашение четы Бруновых он отвечал по меньшей мере странно: сам придет, когда будет у него охота. Так прекратились наши свидания.

Внезапно раздается телефонный звонок. Н. И. Брунов передает мне ужасную новость о себе. Он ложится на операцию рака в больницу. Говорит, что сам виноват, что рак запущен, и просит проследить за выпуском его книжки в издательстве “Искусство”. Я, конечно, согласился.

После операции все стало как будто нормальным. Николай Иванович поехал на Соловки, летом вместе с женой — в Прибалтику. Но здесь среди курортного отдыха ему стало плохо. Он оставил машину и вернулся поездом в Москву, обратился в больницу, но его не приняли. В скором времени он скончался на руках своей супруги.

Так трагично окончилась жизнь Николая Ивановича. Мы ломали голову, стараясь понять, во имя чего он забросил занятия, почему он решил пожертвовать своим талантом. Помню, я спросил у профессора Анри Шастеля: чем объяснить, что в момент общего признания Николай Сталь покончил жизнь самоубийством? Он ухмыльнулся и сказал: “Чем объясняется смерть героев Достоевского и Толстого?” Я понял, что в этом деле участвует “национальная психология”, и больше вопросов не задавал¹.

Книга «Памятники Афинского акрополя» увидела свет в 1973-м. После смерти Брунова вдова, верная памяти мужа, привела в порядок домашний архив и рукописи. Но издателя не нашлось. Только в 1988-м роскошным томом был выпущен бруновский труд по архитектурным формам московского храма Покрова-на-Рву, а «Очерки по истории архитектуры» несколько раз репринтно переиздавались в 2000-х.

Пожалуй, Брунов правильно поступил, сменив жизненный ориентир. Неужели проникся замечательной сентенцией Омара Хайяма?

¹ Аллатов М. В. Воспоминания... — С. 106.

В учености — ни смысла, ни границ.
Откроет больше тайный взмах ресниц.
Пей! Книга жизни кончится печально.
Украшь вином мелькание страниц.

Во всяком случае, оставленное Бруновым вполне искупает его последнее двадцатилетнее ученое безделье, оправдывает манеру поведения: сделано столько, что одному человеку для «биографии» всего этого письменного добра вполне достаточно. Прилагаемый список его архитектуроведческих публикаций красноречив сам по себе, а большего ждать не приходится.

Список основных трудов Н. И. Брунова

- Альбом архитектурных стилей. — М., 1937.
- Архитектура Византии // Всеобщая история архитектуры: В 12 т. — Л.; М., 1966. — Т. 3.
- Архитектура Константинополя IX–XII вв. // Византийский временник. — 1950. — Т. 3.
- Архитектура эпохи Древнерусского государства и периода феодальной раздробленности Руси (до середины XV в.) // История русской архитектуры: Краткий курс. — М., 1954 (2-е изд. — 1956).
- Беларуская архітэктурa XI–XII стагоддзя // Інстытут Беларускае культуры: Зборні артыкулаў. — Менск, 1928.
- Галерея 1678 года в Измайлове // Сборник Общества изучения русской усадьбы. — 1928. — № 5/6.
- Греция: Архаика, классика, IV век. — М., 1935.
- Дворцы Франции XVII–XVIII веков. — М., 1938.
- Египетская архитектуры и проблемы синтеза искусств. — М.; Л., 1935.
- К вопросу о болгарских двухэтажных церквах-гробницах // Известия на Българския археологически институтъ. — 1926/1927. — Т. 4.
- К вопросу о восточных элементах византийского зодчества // Труды Секции истории искусства Института археологии и искусствознания РАНИОН. — М., 1930. — Т. IV.
- К вопросу о некоторых связях русской архитектуры с зодчеством южных славян // Архитектурное наследство. — 1952. — Т. 2.
- К вопросу о первоначальном виде древнейшей части Киевской Софии // Известия ГАИМК. — 1927. — Т. 5.
- К вопросу о раннем московском зодчестве // Труды Секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН. — М., 1928. — Вып. 4.
- К вопросу о самостоятельных чертах русской архитектуры X–XII вв. // Русская архитектура. — М., 1940.
- К вопросу о связях древнерусского зодчества с Херсонесом // Известия Таврического общества археологии, истории и этнографии. — 1927. — № 1 (58).
- К вопросу о средневековой архитектуре Константинополя // Византийский временник. — 1968. — Т. 28.

- К вопросу о так называемом «русском барокко» // Барокко в России. — М., 1926.
- К вопросу об архитектурном стиле эпохи Палеологов в Константинополе // Известия на Българския археологически институт. — София, 1928/29. — Т. 5.
- К вопросу об истоках русского зодчества // Вестник Академии наук СССР. — 1944. — № 6.
- Краткий отчет о поездке на Восток // Византийский временник. — 1926. — Т. 24 (соавтор — М. Аллатов).
- Мастера древнерусского зодчества. — М., 1953.
- Модель Иерусалимского храма, привезенная в XVII веке в Россию // Сообщения Российского Палестинского общества. — Л., 1926. — Т. 29.
- Московский Кремль. — М., 1948.
- О последних исследованиях архитектуры собора Софии в Новгороде. — М., 1946.
- О работах по истории русской архитектуры. — М., 1946 (соавтор — Д. Аркин).
- О хорах в древнерусском зодчестве // Труды Секции теории и методологии (социологической) Института археологии и искусствознания РАНИОН. — М., 1928. — Т. 2.
- Очерки по истории архитектуры: В 3 т. — М.; Л., 1935. — Т. 2: Греция. Рим. Византия (репринт — М., 2003).
- Очерки по истории архитектуры: В 3 т. — М.; Л., 1937. — Т. 1: Доклассовое общество. Восточные деспотии (репринт — М., 2003).
- Памяти Д. В. Айналова // Архитектура СССР. — 1940. — № 3.
- Памятник ранневизантийской архитектуры в Керчи // Византийский временник. — 1927. — Т. 25.
- Памятники архитектуры. — М., 1935 (соавтор — Д. Аркин).
- Памятники Афинского акрополя: Парфенон и Эрехтейон. — М., 1973.
- Пропорции в античной и средневековой архитектуре. — М., 1935.
- Рец. на: Halle F. Die Bauplastik von Wladimir-Ssusdal: Russische Romanik. — Berlin; Wien; Zuerich, 1929 // Byzantinisch Neugriechische Jahrbucher. — 1932/1934. — Bd IX.
- Рим: Архитектура эпохи барокко. — М., 1937.
- Собор Саввино-Сторожевского монастыря близ Звенигорода // Труды Этнографического археологического музея 1-го МГУ. — М., 1926.
- Собор Софии в Новгороде // Сообщения Института теории и истории архитектуры. — М., 1947. — Вып. 7 (соавтор — Н. Травин).
- Храм Василия Блаженного в Москве: Покровский собор. — М., 1988.
- Четырехскатное покрытие 1620 года // Сборники Общества изучения русской усадьбы. — 1928. — Вып. 7/8.
- Эрехтейон. — М., 1938.
- Этапы развития мировой архитектуры: За критическое использование архитектурного наследия прошлых эпох // Строительство Москвы. — 1932. — № 10.
- Die fruhmoskovitische Baukunst // Zeitschrift fuer Geschichte der Architektur. — 1928. — Bd III. — Hft 3.
- Die fuenschiiffige Kreuzkuppelkirche in der byzantinischen Baulunst // Byzantinische Zeitschrift. — 1927. — Bd 27.

- Die Gul-Djami von Konstantinopel // Byzantinische Zeitschrift. — 1929/30. — Bd 30.
- Die alterussischen Kunst in der wissenschaftlichen Forschung seit 1914 // Zeitschrift fuhr slawische Philologie. — 1925. — Bd II. — Hft 3/4; 1926. — Bd III. — Hft 3/4 (*соавтор — М. Аллатов*).
- Die Odalar-Djami von Konstantinopel // Byzantinische Zeitschrift. — 1926. — Bd 26.
- Die Panagia-Kirche auf der Insel Chalki in der Umgebung von Konstantinopel // Jahrbuch der Oesterreichischen Byzantinistik. — 1927/28. — Bd VI.
- Die russische Kunstwissenschaft im Jahre 1925 // Kunstwisaenschaftliches Jahrbuch der Goerresgesellschaft. — Augsburg, 1928. — Bd I (*соавтор — М. Аллатов*).
- Die Sophienkathedrale von Konstantinopel // Kunstwissenschaftliche Forschungen. — 1931. — Bd 1.
- Due cattedrali del Kremlino // Architettura. — 1926. — № 3.
- Eglise a Croix inscrite a cinq nefes // Echos d'Orient. — 1927. — Vol. 30.
- Ein Denkmal der Hofbaukunst von Konstantinopel // Belvedere. — 1926. — № 51/52.
- Entwicklungsetappen der Architektur. — Dresden, 1972.
- Geschichte der alterussischen Kunst. — Augsburg, 1932. — Bd I–II (*соавтор — М. Аллатов*).
- Nachrichten aus Moskau // Byzantinische Zeitschrift. — 1924. — Bd 24 (*соавтор — М. Аллатов*).
- Neue Entdeckungen und Forschungen in Konstantinopel // Byzantinische Zeitschrift. — 1926. — Bd 26 (*соавтор — М. Аллатов*).
- Neuere Forschungen in Russland aus dem Gebiete der byzantinischen und russischen Kunstgeschichte // Jahrbuch fuhr Kunstwissenschaft. — Lpz, 1926. — Bd 1 (*соавтор — М. Аллатов*).
- Probleme der byzantinischen und russischen Kunstgeschichte: Forschungen in Russland 1914–1924 // Belvedere. — 1925. — № 6.
- Ueber den Breitraum in der christlich-orientalischen und der altrussischen Baukunst // Muenchener Jahrbuch der bildenden Kunst. — 1927. — Bd IV. — Hft 1.
- Ueber den Stil der alterussischen Baukunst // Wiener Jahrbuch fuhr Kunstwissnschaft. — Wien, 1929. — Bd IV.
- Ueber zwei byzantinische Baudenkmaler von Konstantinopel aus dem XI. J. // Jahrbuch der Oesterreichischen Byzantinistik. — 1932/34. — Bd IX.
- Un nouveau type d'eglise dans la Russie du Nodr-Ouest du XIIe siecle // Arsbok. — Lund, 1925.
- Une eglise monastique aux environs de Chalcedoine // Echos d'Orient. — 1927. — Vol. 26.
- Une nouvelle eglise de l'epoque de Paleologues a Constantinople // Echos d'Orient. — 1925. — Vol. 24 (*соавтор — М. Аллатов*).
- Zur Erforschung der byzantinischen Baudenkmaler von Konstantinopel // Byzantinische Zeitschrift. — 1932. — Bd 32.
- Zur Frage des Ursprungs der Sophienkathedrale in Kiev // Byzantinische Zeitschrift. — 1929. — Bd 29.

Публикации о Н. И. Брунове

Аллатов М. В. Воспоминания: Творческая судьба. Семейная хроника. Годы учения. Города и страны. Люди искусства. — М., 1994.

Алпатов М. В. Жизнь искусствоведа: Страницы воспоминания // Панорама искусств '7. — М., 1984.

Андреанов Е. Бруновские ковры // Богородские вести. — Ногинск, 1995. — № 21.

Герасимов Ю. Н. Выдающийся историк архитектуры: К 100-летию со дня рождения Н. И. Брунова (1898–1971) // Архитектурная наука в МАрХИ. — М., 1999.

Душкина Н. О. Памяти Николая Ивановича Брунова (К 100-летию со дня рождения) // Ежегодник МАрХИ '98/99. — М., 1999.

Комеч А. И. Памяти Николая Ивановича Брунова // Византийский временник. — 1973. — Т. 34.

Кызласова И. А. История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси: 1920–1930 годы (По материалам архивов). — М., 2000.

Любавин А. Николай Иванович Брунов (1898–1971): Штрихи к портрету // Богородск-Ногинск: Богородское краеведение. — Электронный ресурс: <http://bogorodsk-noginsk.ru/lyudi/2brunov.html>.

Любавин А. Н. «Ученый, которого еще не было у нас» // Православная Москва. — 2000. — № 5.

Любавин А. Н. Столетие Н. И. Брунова // Московский журнал. — 1999. — № 4.

Менькова И. Г. Летописец: Семь информационных сообщений о наиболее интересных событиях в культурной жизни Москвы // Московский журнал. — 1999. — № 4.

Саваренская Т. Ф., Швидковский Д. О. Николай Иванович Брунов: К 100-летию со дня рождения // Архитектурный вестник. — М., 1998. — № 5 (44).

Седунова Т. В. Н. И. Брунов как предтеча «иконологии архитектуры» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — М., 2008. — Вып. 58.

Аннотация. Впервые в украинском искусствоведении рассматривается научная деятельность видного российского архитектора, члена-корреспондента Академии архитектуры СССР, доктора искусствоведения, профессора Николая Ивановича Брунова (1898–1971). Помещен перечень основных опубликованных трудов ученого и перечень публикаций о нем за последние четверть века.

Ключевые слова: архитектуроведение, история архитектуры, Н. И. Брунов, М. В. Алпатов.

Анотація. Уперше в українському мистецтвознавстві розглядається наукова діяльність знаного російського архітектурознавця, члена-кореспондента Академії архітектури СРСР, доктора мистецтвознавства, професора Миколи Івановича Брунова (1898–1971). Вміщений перелік основних оприлюднених праць науковця і перелік публікацій про нього за останню чверть століття.

Ключові слова: архітектурознавство, історія архітектури, М. І. Брунов, М. В. Алпатов.

Abstract. For the first time in Ukrainian art history is considered a prominent Russian academic activities architectural historian, corresponding member of USSR Academy of Architecture, Doctor of Arts, Professor Nikolai Brunow (1898–1971). Put a list of the main works of the scientist and published the articles about him in the last quarter century.

Keywords: history of architecture, Nikolai Brunow, Mikhail Alpatov.